

Научно-теоретическая статья

УДК 304.5

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-7-21

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Дмитрий Константинович Стожко

Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Россия,
d.k.stozhko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>

Константин Петрович Стожко

Уральский государственный аграрный университет,
Екатеринбург, Россия,
kostskp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>

Аннотация. Актуальность социально-философского изучения феномена новой реальности обусловлена формированием многополярного мира, трансформацией ценностных систем и общественных отношений в условиях геополитического кризиса и перехода к новому технологическому укладу. Целью исследования является оценка имеющихся в современной науке представлений о новой реальности и ее социально-философское и антропологическое осмысление. В исследовании использованы методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, герменевтики, структурно-функционального анализа. Объектом исследования является сущность, структура и содержание понятия «новая реальность», предметом исследования — процесс формирования и развертывания новой реальности в современных условиях. В результате проведенного исследования дан комплексный анализ ведущейся в современной науке дискуссии о сущности и характере новой реальности. Выявлены две основные тенденции (центробежная и центростремительная) в ее формировании и развитии. Показана токсичность (феномен расчеловечивания) процессов формирования новой реальности в условиях растущей турбулентности и усугубляющегося глобального геополитического кризиса, а также фронтирный характер формирования нового человека, обусловленный столкновением цивилизаций. Выделена и рассмотрена

модель *абыюза* — общественных отношений, в которых вместо партнеров присутствует новый социальный регулятор «агрессор – жертва». В качестве выводов сформулированы положения о необходимости предметного и последовательного исследования взаимосвязи феномена новой реальности и научно-технического прогресса, а также изучения данного нарратива в системе современного образования в целях мировоззренческой и профессиональной подготовки будущих специалистов к новым условиям осуществления хозяйственной деятельности в системе трансформирующихся общественных отношений.

Ключевые слова: духовная реальность, многополярный мир, модель абыюза, новая реальность, новый человек, расчеловечивание, фронтирный характер, ценности

Для цитирования: Стожко Д. К., Стожко К. П. Новая реальность: социально-философское измерение // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 7–21. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-7-21>

Scientific and theoretical article

UDC 304.5

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-7-21

NEW REALITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DIMENSION

Dmitry K. Stozhko

Ural State University of Economics,

Yekaterinburg, Russia,

d.k.stozhko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>

Konstantin P. Stozhko

Ural State Agrarian University,

Yekaterinburg, Russia,

kostskp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>

Abstract. The relevance of the socio-philosophical study of the phenomenon of the “new reality” is due to the formation of a multipolar world, the transformation of value systems and social relations in the context of a geopolitical crisis and the transition to a new technological order. The aim of the study is to assess the existing in modern science ideas about the “new reality” and its socio-philosophical and anthropological understanding. The study used the methods of induction and deduction, analysis and synthesis, hermeneutics, structural and functional analysis. The object of the study is the essence, structure and content of the new reality, the subject of the study is the process of formation and deployment of the new reality in modern conditions. As a result of the study, a comprehensive analysis of the ongoing discussion in modern science about the essence and nature of the new reality is given. Two (centrifugal and centripetal) main trends in its formation and development are revealed. The toxicity (phenomenon of dehumanization) of the processes of formation of the new reality in the conditions of growing turbulence and aggravating global

geopolitical crisis is shown, and also the frontier character of formation of the “new man” is caused by the current “clash of civilizations”. The model of abuse is identified and considered – social relations in which instead of partners there is a “new” social regulator “aggressor – victim”. As an introduction, the provisions on the need for a substantive and consistent study of the relationship between the phenomenon of the new reality and scientific and technological progress, as well as the study of this narrative in the system of modern education for the purpose of ideological and professional training of future specialists for the new conditions of implementation of economic activity in the system of transforming social relations are formulated.

Keywords: spiritual reality, multipolar world, model of abuse, new reality, new man, dehumanization, frontier character, values

For citation: Stozhko, D. K., & Stozhko, K. P. (2025). New reality: social and philosophical dimension. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 7–21. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-7-21>

Введение

Актуальность изучения вопросов, связанных с формированием так называемой новой реальности в современных условиях, обусловлена многими причинами. Среди них особое место занимает вопрос о судьбе самого человечества, которое находится в ситуации растущего противостояния коллективного Запада, в первую очередь англосаксонской цивилизации, с одной стороны, и других динамично развивающихся центров мирового развития (Россия, Китай, Иран, глобальный Юг), с другой стороны. Современный мир меняется. Формирующийся многополярный мир, который приходит на смену прежнему однополярному мироустройству, сменившему в свое время (после распада мировой социалистической системы) двухполярную модель мира, вызывает значительный интерес у исследователей, особенно в связи с его характером, достоинствами и недостатками, способами и перспективами становления и т. д. Целью исследования является оценка имеющихся в современной науке представлений о новой реальности и ее социально-философское и антропологическое осмысление.

Методы и методология

В исследовании использованы методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, герменевтики, структурно-функционального анализа. Объектом исследования является сущность, структура и содержание понятия «новая реальность», предметом исследования — процесс формирования и развертывания новой реальности в современных условиях.

Обсуждение и дискуссии

Понятие «новая реальность» было впервые употреблено российскими художниками А. В. Летуловым (1882–1943), П. Кузнецовым (1878–1968) и Э. М. Белютиным (1925–2012). Не является случайным само появление и использование данного понятия в сфере искусства, поскольку искусство — это область креативного действия, творчества, в которой принципиально новое творение само по себе уже представляет новую реальность. А тем самым и способ создания этого нового также оказывается новой реальностью, поскольку нельзя старыми способами и методами создавать принципиально новые произведения, как нельзя вдохнуть даже самыми современными способами и методами новую жизнь в старые меха. Именно в искусстве новое представляется не как нечто очередное, повторное, сменяющее прошлое, а как нечто такое, чего никогда прежде не было. Конечно, искусство создает и реплики, имитации, копии, но его главная цель состоит в создании оригинала, шедевра. И в этом смысле искусство весьма близко науке с ее пониманием нового как открытия, хотя, чего никак нельзя отрицать, существует и такой аспект науки, как представление нового как хорошо забытого старого.

Последнее обстоятельство объясняется циклическим характером развития всей хозяйственной деятельности человека в ее широком понимании (духовное и материальное производство) и всей системы общественных отношений, действием известного диалектического закона спиралевидного развития, в соответствии с которым развитие происходит от низших форм к высшим, движение осуществляется по спирали: через противоречия, отрицание отрицания, повторение предыдущих этапов, но на более высокой ступени развития.

Само понятие «новая реальность» первоначально обозначало отход от механического восприятия окружающей человека реальности и обращение к реальности его внутреннего мира, его духовности. Но постепенно она стала интерпретироваться то как «жизнь соло» [Кляйненберг, 2014], то как «новая рациональность» и «новая нормальность» [Серль, 2004], то как «общество риска» [Бек, 2000], то как «общество спектакля» [Дебор, 2022], то как «общество тюрьмы» [Фуко, 2019], то как «деконструкция глобализма» [Деррида, 2004] или даже «абсурд» [Камю, 2023]. Во второй половине XX в. активно развивались теории информационного общества (Ю. Хаяши). Среди тех, кто рассматривал это общество в контексте новой реальности, можно назвать З. Баумана, Д. Белла, Ж. Бодрийера, Э. Гидденса, Дж. Мартина, М. Кастельса, Дж. Нейсбитта, Э. Тоффлера, Ю. Хабермаса, Г. Шиллера и др. Их вклад в развитие концепций информационного общества достаточно обширен [Ижболдин, 2011; Уэбстер, 2004].

Так, Ж. Бодрийер, в частности, предложил рассматривать новую реальность через понятие «общество потребления», в котором культ потребления стал основой не только личностного, но и общественного развития. Тем самым он, по сути, сформулировал идею о трех координатах новой реальности: новая личность, новое общество и новые ценности [Бодрийер, 2023]. Такое

трехмерное теоретико-методологическое пространство в исследовании новой реальности в полной мере позволяет провести ее серьезную реконструкцию и репрезентацию. В свою очередь, Э. Тоффлер назвал наступающую новую реальность праптопией и охарактеризовал ее как «совершенно новый образ жизни не только для человека, но и для всей планеты» [Тоффлер, 1999, с. 568].

Дж. Нейсбит, развивая представления М. Кастельса о сетевом обществе как обществе, социальная структура которого состоит из сетей, работающих на основе информационных и коммуникационных технологий, основанных на микроэлектронике [Castells, 2004], трактовал новую реальность как развитие социальных сетей, которые «прорезают все общество, создавая поистине междисциплинарный подход к людям и вопросам» [Нейсбит, 2003, с. 280].

В новых условиях исследователи снова, уже в который раз, обращаются к понятию «новая реальность», но уже в совершенно ином контексте, учитывая кризис современного глобализма, современный геополитический, макроэкономический, экологический кризисы, а также экзистенциальный кризис личности, обусловленный глубинной трансформацией, а отчасти и деградацией традиционных ценностей, кризисами в философии и образовании, последствиями новой промышленной революции (компьютеризация, автоматизация, роботизация, цифровизация, внедрение искусственного интеллекта и т. д.), переходом к новому технологическому укладу и т. д.

В связи с этим нет ничего странного в том, что в научном дискурсе вновь стал актуальным термин «новая реальность». Он имеет много форматов, его используют то как термин «новая социальная реальность» (Ю. А. Зубок, С. Г. Карапетова, С. В. Климовицкий, Г. В. Осипов, А. Н. Пинчук и др.), то как «дополненная реальность» (Ю. С. Белов, В. В. Биткин, Ю. А. Маслова, А. А. Непалкова, Т. А. Никулина и др.), то как «нереальная реальность» (А. Канин, В. Кулигин, К. Ровелли и др.), то как «реальность телеприсутствия» (Н. В. Авербух, Л. М. Андрюхина, В. Ю. Ключников, А. А. Щербинин и др.) или как «виртуальная реальность» (Ю. М. Баяновский, А. Е. Войскунский, Ю. П. Зинченко, Г. Я. Меньшикова, А. М. Черноризов и др.) и т. д.

Отметим, что феномен новой реальности в истории российской философской мысли связывают с работами академика И. Т. Фролова (1929–1999). Важнейшим субъектом новой реальности И. Т. Фролов считал нового человека, которого он представлял как социальный идеал будущего, как всесторонне развитую и гармоничную личность. Такая постановка проблемы отражала прежнюю теоретико-идеологическую направленность советской философии, но, к глубокому сожалению, сегодня не отражает объективную реальность. То, что случилось после развала единой страны — Советского Союза, — перехода к капиталистическим (рыночным) экономическим отношениям, этнические, военные и социальные конфликты и т. д., не вписывается в те перспективы новой реальности, о которых когда-то писал И. Т. Фролов.

Вместе с тем было бы неправильным приписывать ту интенцию новой реальности, о которой рассуждал И. Т. Фролов, исключительно советской философии;

она имеет гораздо более глубокие корни [Фролов, 1983, с. 261–262]. Таким образом, можно сделать несколько предварительных замечаний к вопросу о постановке проблемы «новой реальности» в советской философии прошлого XX столетия.

Во-первых, такая постановка, сложившаяся к концу 70-х – середине 80-х годов XX века, носила преимущественно антропологический характер и рассматривалась сквозь призму нового человека как гармонически развитой личности. И здесь советская философия в вопросе о новой реальности постепенно стала отходить от идеологизированных представлений о ней как о коммунистическом обществе. Все более концентрируясь на антропологической проблематике, на самом человеке, а точнее, на новом человеке, человеке будущего. К концу XX века российская философская мысль в вопросах о новой реальности находилась в русле той философско-этической традиции, которая берет свое начало с эпохи Античности и в которой именно человек, его личность являются конституирующим началом реальности как таковой.

С древних времен люди конструировали образ человека. В диалоге «Государство» Платона, в поэме Гесиода «Золотой век», в «Этике» Аристотеля, в древнегреческих мифах об Элизиуме — Острове блаженных, в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского можно обнаружить разные суждения о том, каким виделся авторам этих сочинений человек. Культ красоты человеческого тела, здорового образа жизни и культ личной (персональной) свободы служили путеводной нитью в осмыслении древними авторами проблемы человека.

Таким образом, российская философская мысль возвращалась к философским первоисточкам, к натурфилософии древности с тем, чтобы почерпнуть в них новый импульс, новый заряд для репрезентации образа человека. Но, конечно, далеко не все философы встали на этот путь, многие обратились к западной философии, ее образцам нового человека, среди которых можно отметить концепты Э. Кассирера, Э. Фромма, М. Шеллера и др.

Постепенно в проблематике нового человека как ключевого компонента новой реальности сложилось множество самых разных моделей, среди которых назовем следующие: «богочеловек» (С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, Е. Трубецкой, В. С. Соловьев и др.); «добродетельный человек» (Аристотель, И. Кант, А. Смит и др.); «новый человек» (Д. Л. Андреев, Л. С. Выготский, А. В. Сухово-Кобылин, Н. Ф. Федоров и др.); «лишний человек» (А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев и др.); «совершенный человек» (Абдул-Карим аль Джили, Фома Аквинский, Дж. Джелли, Д. Хаксли и др.); «советский человек» (Ю. Левада, К. Менарт, Й. Новак и др.); «традиционный человек» (Марк Аврелий, Р. Генон, Г. Спенсер и др.); «сверхчеловек» (Ф. Ницше, А. Швейцер, Л. Троицкий и др.); «настоящий человек» (М. Бубер, Конфуций, Б. Н. Полевой и др.); «ноосферный человек» (Н. Ф. Федоров, В. И. Вернадский, П. Т. де Шарден и др.) и т. д. Сегодня наиболее распространенными и обсуждаемыми являются такие модели человека, как *Homo sapiens* (человек

разумный), *Homo economicus* (человек экономический), *Homo socius* (человек социальный), *Homo responsibility* (человек ответственный), *Homo creativity* (человек творческий).

Во-вторых, обращает на себя внимание изначально позитивное представление о новой реальности в российской философской литературе конца XX века, которое к настоящему времени стало в основном негативным, критическим. Такая метаморфоза связана не только с реальными энтропийными процессами в мире, усилением центробежной тенденции в развитии общества, его фрагментацией, раскалыванием на разные противоборствующие социальные силы, но и с забвением самого человека, расчеловечиванием, и совершенно неоправданной критикой гуманизма как философского направления в истории науки [Хилюта, 2022, с. 94].

Кроме того, определенную роль в смене оценок феномена «новой реальности» сыграл и набравший силу антисоветизм. «Термин “советский человек” стал обозначать нечто исключительно отрицательное, свойственное только русскому народу. При этом никто не хочет замечать, что на смену “советскому человеку” пришел еще более отвратительный современный, безликий, глобальный и массовый человек, не обремененный никакими моральными и социальными ограничениями, тем самым представляя собой полное вырождение человека вообще» [Щеглов, 2016, с. 154–155].

В-третьих, на текущее время сложилось большое количество теоретических конструктов и в отношении самого современного общества, его понимания и интерпретации, начиная от отрицания самого факта его существования и заканчивая его одиозными вариантами. В этой связи можно отметить ставшее уже знаменитым высказывание М. Тэтчер, которая как-то заявила, что есть отдельные мужчины, отдельные женщины и есть семьи.

Среди используемых на сегодняшний день философских концептов понятия «современное общество» можно выделить такие дефиниции, как «индустриальное общество» (К. А. Сен-Симон), «постиндустриальное общество» (Д. Белл), «новое индустриальное общество» (Дж. К. Гэлбрейт), «одномерный универсум» (Г. Маркузе), «общество потребления» (Ж. Бодрийяр), «цифровое общество» (Р. Нил), «общество знания» (Н. Штерн), «общество риска» (У. Бек), «несовершенное общество» (М. Джилас), «виртуальное общество» (Г. Рейнгольд) и т. д.

Естественно, что в каждом конкретном случае проекция на новое общество как один из ключевых компонентов новой реальности мыслится разными авторами по-разному. Дж. К. Гэлбрейт связывал его появление с «революцией управляющей», Э. Тоффлер — с формированием «проктопии», Х. Арендт — с образованием «меритократии», М. Джилас — с формированием двухсекторной модели общественного устройства и т. д. При таком разнообразии теоретико-методологических подходов к постановке вопроса о новом обществе как ключевом элементе в представлениях о новой реальности отсутствует единый универсальный взгляд на нее как на реальность объективную. Имеющиеся ее концепты отражают до сих пор пока что субъективные взгляды их авторов.

Результаты исследования

Одной из наиболее очевидных характеристик в формировании новой реальности является единство и борьба двух основных тенденций социального развития: с одной стороны, это центростремительная тенденция к объединению, конвергенции, концентрации, кооперации, интеграции; с другой стороны, это центробежная тенденция к разъединению, фрагментации, расколотости, противостоянию. В рамках первой тенденции все более популярной становится идея солидарного человека (Э. Дюркгейм), в рамках второй тенденции — идея сверхчеловека (Ф. Ницше). Символичной в этой связи выглядит следующая оценка ситуации: «Все устремились к господству, тотальному доминированию, идея сверхчеловека нашла свое воплощение в умах и сердцах многих людей, которые забыли о том, что стать таковыми можно только лишь посредством подчинения себе подобных, по сути, сделав их рабами своих устремлений. Конечно, в прямом смысле сегодня такое обнаружить нельзя, все имеет другие очертания и заретушировано демократическими принципами и идеей защиты прав человека, но суть этого процесса предельно ясна и вполне очевидна» [Хилюта, 2022, с. 94]. И далее: «В современном обществе нет ничего устойчивого и определенного, как и в рисуемой им картине мира: реальность иллюзорна, но есть продукт игры воображения и порой он лопається, словно мыльный пузырь» [Хилюта, 2022, с. 95]. Очень похоже на правду, но на правду иллюзорную. Конечно, современное общество во многом — это общество спектакля, иллюзии, симуляции и т. д., в котором «спектакль одновременно представляет собой и само общество, и часть общества, и инструментарий унификации общества» [Дебор, 2022, с. 32]. Но заявлять, что в современном обществе нет ничего устойчивого и определенного, — явный перебор, поскольку, несмотря на глубинную трансформацию современных ценностей и различных ценностных систем, вечные, абсолютные ценности никто не отменял, даже в рамках известной культуры отмены. Да и сами общественные отношения как таковые, значительно изменившись, существуют и никуда не исчезли. Ведь «спектакль — это не совокупность образов, а общественное отношение между людьми, опосредованное образами» [Дебор, 2022, с. 32].

Другое дело, что нестабильность и турбулентность в современном обществе неуклонно возрастают, развивается модель *абьюза* — общественных отношений, в которых вместо партнеров присутствует новый социальный регулятор «агрессор – жертва», принимающий форму спектакля, в котором есть режиссер, актеры и публика. Театрализация реальности просматривается хотя бы в том, что современная социальная конкуренция давно уже превратилась из триггера социально-экономического развития в его тормоз и обрела все признаки недобросовестной конкуренции. А слова и декларации представителей новых социальных элит все чаще расходятся с реальными делами и реальной политикой. Например, когда развитие демократии ведет к формированию диктатуры рынка, стремление к миру осуществляется через подготовку

к новой войне, а гармоничное развитие человеческой личности во все большей степени определяется инструментарием «одномерного тоталитарного универсума», в котором «господство под маской изобилия и свобод распространяется на все сферы частного и публичного существования, интегрирует всякую подлинную оппозицию и поглощает все альтернативы» [Маркузе, 1994, с. 25].

Развитие новой реальности происходит в условиях, которые оказались и намного сложнее и намного хуже (менее благоприятны), чем те, которые появились после Второй мировой войны и способствовали выводу мирового сообщества из режима холодной войны в режим разрядки напряженности. Неслучайно сегодня все чаще приходится слышать о новой, второй холодной войне, с которой люди связывают растущую токсичность всей системы общественных отношений и многие стороны своей жизнедеятельности. В этом как раз и состоит особенность той новой реальности, которая формируется и разворачивается буквально у нас на глазах.

Естественной защитной реакцией современного человека является стремление уйти от такой токсичности и модели абьюза, когда «современный человек замкнулся в себе, живет только для себя и в свое удовольствие... Иначе говоря, сегодня происходит расчеловечивание человека, он не хочет делать нравственного выбора, а предпочитает упростить жизненные ценности и подход к их пониманию» [Хиллута, 2022, с. 97–98]. Написано, возможно, слишком категорично и обобщенно, но общую тенденцию это утверждение вполне отражает.

Другой стороной процесса формирования новой реальности является ее виртуальный аспект. В самом деле, уже на стадии обучения в школе и в вузе учащиеся сталкиваются с так называемыми иммерсивными технологиями, посредством которых создается искусственная реальность, достигается полное погружение в нее и эффект присутствия. В каком-то смысле это как раз и есть то экзистенциальное состояние вовлеченного присутствия, о котором когда-то писал лидер французского персонализма и яркий представитель экзистенциализма Э. Мунье, считавший, что «преобразование человека осуществляется по ту сторону самого человека» [Мунье, 1999, с. 55], в его вовлеченности в экзистенциальное пространство.

Обратимся к характеристике нового человека как атрибутивному признаку новой реальности. В действительности невозможно всерьез рассуждать о новой реальности, не признав тот факт, что новым в ней становится сам человек. Но что означает «новый человек»? Наиболее развернутое его описание дал Э. Фромм в книге «Иметь или быть?», в которой автор выделил двадцать основных признаков нового человека [Фромм, 2011, с. 258–261]. Однако, рассматривая этот образ нового человека в современных условиях, с учетом тех негативных последствий, к которым привела трансформация и даже деградация разных ценностных оснований человеческой жизнедеятельности, особенно системы традиционных ценностей, трудно не согласиться с мнением о том, что «если уж какую-то реальность и называть нереальной, так ту, что ждет нас в ближайшем будущем» [Пекелис, Антипов, 2017, с. 26].

Фронтальный характер формирования нового человека обусловлен нынешним столкновением цивилизаций Востока и Запада (С. Хантингтон) и, соответственно, западной и восточной моделей человека. Разные аксиологические характеристики, свойственные Востоку и Западу, пронизывали и до сих пор пронизывают все уровни духовной реальности: ноосферу, пневмосферу, семиосферу. Более того, эти ценности оказывают свое влияние через аксиологическую детерминацию деятельности людей и в социосфере, техносфере, биосфере, абитосфере и на иных уровнях человеческой онтологии. Они, эти ценности, представляют собой своеобразный духовный код нашей культуры и цивилизации, сохранение и укрепление которого при формировании нового человека, нового общества и новой системы ценностей становится условием нашего выживания и развития.

Представляется правомочным взгляд на процесс формирования новой реальности как на исторически очередное обращение разных цивилизаций и культур к вопросам собственной самоидентификации в условиях размывания национальной (этнической) и духовной (мировоззренческой) идентичности. «Сегодня характерной особенностью человека является мода на поиски самого себя» [Хиллута, 2022, с. 97]. В связи с этим отдельными авторами делается вывод о том, что по мере перехода к новой реальности в мире будут возрастать негативные процессы и явления, среди которых отмечаются глобальное потепление, неконтролируемый рост населения Земли, рост вероятности военных конфликтов, усиление глобального экономического неравенства, постоянно растущий поток мигрантов, распространение оружия массового поражения, ускоренное технологическое развитие в ущерб самому человеку, религиозная и идеологическая радикализация и др. [Осипов и др., 2014].

Возможно, и даже вполне вероятно, что общая напряженность взаимоотношений между разными культурами и цивилизациями в процессе формирования и развертывания новой реальности будет какое-то время усиливаться. Но это требует своего объяснения и проецирования на будущее. Одним из вариантов объяснения такой растущей напряженности является тот факт, что стремление отдельных цивилизаций к мировому доминированию (что, согласно Л. Н. Гумилеву, является пассионарностью новых развивающихся этносов) связано со стремлением насильственного распространения собственных ценностей и их навязывания другим цивилизациям и культурам. Стремление к такому насильственному навязыванию представляет собой попытку ассимиляции других наций и культур с целью их подчинения, что означало бы, например, для англосаксонской цивилизации конец истории в том ее смысле, о котором писал Ф. Фукуяма [Фукуяма, 2015]. Но такое насильственное распространение (навязывание) представляет само по себе абсолютное зло, которое разрушает традиционный внутренний мир человека, сложившийся в поле его собственной культуры. И тогда все происходит так, как это описывал еще И. А. Ильин [Ильин, 1998, с. 331].

Для того чтобы новая реальность не стала мировой тюрьмой (образ М. Фуко), в которой один гегемон будет «надзирать и наказывать», а все остальные будут его послушными «узниками» [Фуко, 2019], необходимо «сопротивление злу силой».

Под влиянием многолетней западной пропаганды так называемых общечеловеческих ценностей в нашем обществе постепенно сформировался особый тип человека-западника, который в условиях глобализации постепенно превратился в человека-космополита.

В современных условиях геополитического противостояния России и Запада началась обратная тенденция в развитии личности и общества, возрождение национальных ценностей, национального духа.

Новое общество как атрибут формирующейся в нашей стране новой реальности — это сплоченное, единое общество, ориентированное на свои национальные интересы, обладающее здоровым консерватизмом. Как справедливо отмечал Президент Российской Федерации В. В. Путин, «сейчас, когда мир переживает структурный слом, значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло. Именно в силу множащихся рисков и опасностей, хрупкости окружающей нас реальности»¹. Разумный консерватизм — это в первую очередь возвращение к нашим традиционным духовным ценностям, к нашей собственной культурной и этнической идентичности. Именно на этой основе может и должна развиваться новая реальность, в которой любые инновации и модернизации должны играть исключительно подчиненное, не самостоятельное значение. Никакой технологический детерминизм и никакая техносфера не в состоянии заменить того, что называется «самодержавием духа» народа [Иоанн митр., 2012]. Именно такое «духовное самодержавие» может служить стержнем новой реальности как конструктивной системы всей человеческой деятельности и всей системы общественных отношений.

Выводы

1. Трансформация современного общества и формирование нового человека в контексте разворачивающейся новой реальности происходят на фоне масштабной научно-технической революции, развития компьютерных технологий, информационных сетей, медиапространства, искусственного интеллекта и т. д. «Новая реальность создается средствами телекоммуникации» [Андрюхина, 2016, с. 60]. Взрывоподобно развивается современный Интернет и связанные с ним технологии. Вот почему особое значение представляет разработка и реализация политики здорового, разумного консерватизма в информационном

¹ Путин заявил о принципах здорового консерватизма в основе подходов России // Ведомости. 21 октября 2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/10/21/892404-printsipah-zdorovogo-konservatizma> (дата обращения: 10.01.2025).

пространстве и санация этого пространства от токсичных накоплений последних десятилетий. В этом плане необходимо целенаправленное и последовательное формирование особой субкультуры самого Интернета, соответствующей вызовам времени и национальным интересам. Это позволит в определенном смысле регулировать и направлять процесс формирования и развертывания новой реальности, предупреждать многие риски, связанные с возможностью энтропии системы национальных интересов и национальных ценностей.

2. Особое значение в условиях растущей макроэкономической и социокультурной турбулентности приобретает сфера образования, которая оказывается все более тесно связанной и информационными технологиями, и киберпространством и которая на протяжении последних десятилетий оказалась переполненной разного рода смысловыми симулякрами и лексическими оксюморонами, искажающими подлинное аксиологическое пространство российской культуры и определяющими сравнительно низкое качество самого образования в нашей стране. За редким исключением качество учебной и воспитательной работы в большинстве современных российских вузов существенно формализовано, симулятивно и соответствует формату так называемого «общества спектакля» (Г. Дебор), в котором создается лишь иллюзия продуктивно-творческой активности, тогда как в реальности выпускаемые кадры обладают низкой конкурентоспособностью и лишены тех субъектных свойств, которые обеспечивают их востребованность. В связи с этим возникают многочисленные проблемы последующего трудоустройства молодых специалистов и их адаптации в сфере общественного производства. Таким образом, необходимо целенаправленно формировать нового человека как субъекта новой реальности, укрепляя его в системе традиционных ценностей, собственной культуры и национальных интересов.

3. Надежды на то, что трудоустройство всей массы молодых специалистов будет в ближайшем будущем осуществляться в индивидуальном формате, в рамках высокой собственной мобильности и в виртуальном пространстве, не выдерживают серьезной критики и не соответствуют реальной динамике развития названных характеристик. Рассматривать современное киберпространство (интернет-пространство, информационное пространство, медиапространство и т. д.) как альтернативное реальному физическому пространству (как это предлагал М. Кастельс) — это все равно что рассматривать тень человека в качестве альтернативы самому человеку. Но ясно же, что нет человека — нет и его тени.

4. Новая реальность — это своеобразный нарратив. Но в качестве такового он есть наше собственное представление о новой реальности, как и о реальности вообще, которое может совпадать, а может и не совпадать с объективной реальностью. Различать внутреннюю и внешнюю реальность необходимо, поскольку наши представления отнюдь не всегда и не во всем соответствуют ее внешней конкретности. Вместе с тем с теоретико-методологической точки зрения необходимо понимать, что новая реальность не может быть тотально

ритуализована или абсолютно отлична от прежних моделей реальности. «Полная ритуализация — это кома. Тотальное различие — это столпотворение. Нужна золотая середина» [Руднев, 2016, с. 27].

Новая реальность в ее радикальном формате никогда не будет альтернативой физической реальности, точно так же как и реальная жизнь людей никогда не будет заменена разного рода вымыслам и симуляциями. Следовательно, формирование нового общества и нового человека должно быть осмысленным, осознанным, целенаправленным, происходить на основе земных, традиционных, корневых ценностей родной культуры и строго в рамках своей родовой цивилизации. Всякое взаимодействие цивилизаций и культур должно отталкиваться именно от такой предпосылки. Из этого и необходимо исходить, конструируя и предлагая репрезентацию новой реальности в философском дискурсе.

Список источников

1. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / пер. с англ. А. Андреева. М.: Альпина-нон-фикшн, 2014. 279 с.
2. Серль Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офергаса. М.: АСТ, 2022. 256 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 416 с.
6. Деррида Ж. Глобализация. Мир. Космополитизм / пер. с фр. Д. Ольшанского // Космополис. 2004. № 2 (8). С. 125–140.
7. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе / пер. с фр. С. Великовского, Е. В. Головиной. М.: АСТ, 2023. 448 с.
8. Ижболдин В. А. Генезис концепции информационного общества // Социология власти. 2011. № 5. С. 105–110.
9. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова и Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект-Пресс, 2004. 400 с.
10. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: АСТ, 2023. 384 с.
11. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 1999. 784 с.
12. Castells M. Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint // The network society: a cross-cultural perspective / ed. by M. Castells. Northampton, MA: Edward Elgar, 2004. P. 3–49.
13. Нейсбит Дж. Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2003. 380 с.
14. Фролов И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983. 350 с.
15. Хиллута В. Н. Человек и новая реальность: каков будет выбор? // Философия права. 2022. № 4 (103). С. 94–99.
16. Щеглов А. П. Советский человек — социальный конструкт или биологический тип? // Вопросы национализма. 2016. № 4 (28). С. 143–156.

17. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
18. Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с фр. И. С. Вдовиной и В. М. Володина. М.: Республика, 1999. 559 с.
19. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М.: АСТ, 2011. 314 с.
20. Пекелис М. А., Антипов С. С. Старая философия и новая реальность // Философская школа. 2017. № 1. С. 22–31.
21. Осипов Г. В., Каропова С. Г., Климовицкий С. В. Новая социальная реальность как объект социального конструирования // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 246–258.
22. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 576 с.
23. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Эксмо-Пресс, 1998. 912 с.
24. Иоанн, митрополит. Самодержавие духа: очерки русского самосознания. М.: Алгоритм, 2012. 528 с.
25. Андрухина Л. М. Философия новой реальности: от телеприсутствия — к телебытию // Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы / ред. А. В. Логинов, О. Н. Томюк. Екатеринбург: Макс-Инфо, 2016. С. 59–64.
26. Руднев В. Новая модель реальности. М.: ВШЭ, 2016. 224 с.

References

1. Kleinenberg, E. (2014). *Going solo. New social reality. Alpina-non-fiction*. (In Russian).
2. Searle, J. (2004). *Rationality in action*. Progress-Tradition. (In Russian).
3. Beck, U. (2000). *Risk society. Towards another modernity*. Progress-Tradition. (In Russian).
4. Debord, G. (2022). *Society of the spectacle*. AST. (In Russian).
5. Foucault, M. (2019). *Supervise and the punish. The birth of prison*. Ad Marginem Press. (In Russian).
6. Derrida, J. (2004). Globalization. World. Cosmopolitanism. *Cosmopolis*, 2 (8), 125–140. (In Russian).
7. Camus, A. (2023). *Rebellious man. The myth of Sisyphus*. AST. (In Russian).
8. Izhboldin, V. A. (2011). Genesis of the concept of information society. *Sociology of Power*, 5, 105–110. (In Russian).
9. Webster, F. (2004). *Theories of the information society*. Aspect-Press. (In Russian).
10. Baudrillard, J. (2023). *Consumer society*. AST. (In Russian).
11. Toffler, E. (1999). *The third wave*. AST. (In Russian).
12. Castells, M. (2004). Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint. In M. Castells (Ed.), *The network society: A cross-cultural perspective* (pp. 3–49). Edward Elgar.
13. Naisbitt, J. (2003). *Megatrends*. AST. (In Russian).
14. Frolov, I. T. (1983). *Human Prospects. An Experience of a comprehensive problem statement, discussion, and generalization*. Politizdat. (In Russian).
15. Khiluta, V. N. (2022). Human and the new reality: What will be the choice? *Philosophy of Law*, 4 (103), 94–99. (In Russian).

16. Shcheglov, A. P. (2016). Soviet man — a social construct or a biological type? *Questions of Nationalism*, 4 (28), 143–156. (In Russian).
17. Marcuse, G. (1994). *One-dimensional man. A study of the ideology of the developed industrial society*. REFL-book. (In Russian).
18. Mounier, E. (1999). *Manifesto of personalism*. Republic. (In Russian).
19. Fromm, E. (2011). *To Have or to Be?* AST. (In Russian).
20. Pekelis, M. A., & Antipov, S. S. (2017). The old philosophy and a new reality. *Philosophical school*, 1, 22–31. (In Russian).
21. Osipov, G. V., Karepova, S. G., & Klimovitsky, S. V. (2014). New social reality as an object of social construction. *Social and Humanitarian Knowledge*, 6, 246–258. (In Russian).
22. Fukuyama, F. (2015). *The end of history and the last man*. AST. (In Russian).
23. Ilyin, I. (1998). *The path to obviousness*. Eksmo-Press. (In Russian).
24. John, Metropolitan. (2012). *Autocracy of the spirit: Essays on Russian self-consciousness*. Algorithm. (In Russian).
25. Andryukhina, L. M. (2016). Philosophy of the New Reality: from Telepresence to Telebeing. In A. V. Loginov, & O. N. Tomuk (Eds.), *Philosophy in the 21st century: Challenges, values, prospects* (pp. 59–64). Max-Info. (In Russian).
26. Rudnev, V. (2016). *New model of reality*. HSE. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Дмитрий Константинович Стожко — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры креативного управления и гуманитарных наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Dmitry K. Stozhko — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Creative Management and Humanities, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

d.k.stozhko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-877X>

Константин Петрович Стожко — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, главный научный сотрудник Института аграрно-экологических проблем и управления сельским хозяйством, Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия.

Konstantin P. Stozhko — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Agrarian-Ecological Problems and Agricultural Management, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia.

kostskp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6139-8030>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.